

О.ПОКРОВСКИЙ

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.
Мистические рассказы.

Несерьёзное

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

О.Покровский
Настоящее время

«ЛитРес: Самиздат»

2021

О.Покровский

Настоящее время / О.Покровский — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Может ли мир внезапно измениться, чтобы этого никто не заметил? А если по соседству с нами находится тот, кому под силу повлиять на реальность...А визит чёрта- привести к потребности иногда пообщаться с существами не от мира сего?...Для любой аудитории. От чемпиона и рекордсмена Европы, России и мира IPL.WRPF.WPF, ранее знакомого лишь участникам форумов путешественников и почитателям творчества Т. Пратчетта, вниманию которых были предложены несколько произведений.Содержит нецензурную брань.

© О.Покровский, 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

О.Покровский Настоящее время

В жёлто-розовом неестественном свете блистали редкие снежинки. На улице- никого, лишь ворона, надеясь, что на нее-то внимания не обратят, исподтишка наблюдала немигающей чернотой глаза за нелепо одетой фигурой.

Высокая же фигура- Степан Калашников, или, как он предпочитал себя называть- Аудитор, подмечал любую мелочь, едва кинув взгляд вокруг. Сегодня, 1 января 21 года, глаз ему кольнула печальная пустота. Там, где каждый год наутро после проводов старого года заторможенные взрослые и шустрая детвора всех возрастов продолжали догуливать, только мусор остатками полуночного празднования некоего количества жителей района единственно намекал о том, что город не покинут населением и не стал жертвой зомби, оборотней и агентов Антанты.

Так уж вышло, что и я не сумел соблюсти указания и рекомендации, да сгонял, таки, в столицу. Здравые, приехали. Серый полупустой перрон, одиночки в повязках, марлевых намордниках и тёмно раскрытый вход в воксал. Это Москва Пандемийная неприветливо встречает декабрьской ростепелью.

Если уж в обычное время работает лишь один транспортёр, то сейчас и вовсе глупо ждать обоих... Медленная очередь, где мнутя 4-5 человек. Сумки -на ленту, всё из карманов -на стол. И почему только в моём городе туповатые охранники заставляют входящих в воксал ключи и телефоны складывать в лотки, которые до тебя тысячи грязных рук брали уже, и ставили на ту же ленту транспортёра? Может мэр, или специальные службы все же обратят на это внимание? Ну хоть когда-нибудь, как будет на то их воля и время... Если уж не ковид, то и вообще здоровья это точно не прибавит.

С опаской левой «одетой» рукой открывши тяжелую дверь, вываливаюсь на улицу и сворачиваю в метро. Представьте себе, представьте себе, зелё... там тоже народу крайне мало. А ведь будний день. Утро. Маска, политкорректно зацепленная за уши, сразу натирает и душит. Гляжу провинциальным сусликом на москвичей... окружающих, все подмечаю. Немало, кто едет «голышом». Тётки, чем-то замученные и истощённые настолько, что никто им замечаний не делает; длинные тинейджеры, которые, может, если пообещать в лобешник, беспонтовый намордник и наденут, но совершенно без удовольствия; пара невзрачных, но представляющих себя самодостаточно грозно брутальными особями толстяков лет 35-37 с плешинами в жидковласых макушках... И все сидят через одного на местах, не заклеенных лентой крест-накрест. Равнодушно и тупо уселся рядом. Сами мы не местные, понимаешь, будем, моя твоя не понимаю, всё равно в столицу не один же в вагоне ехал...

А вот на станции пересадки вагон, куда удалось втиснуться, всюю кричал уже не о социальной и санитарной дистанции, а о потере здравого смысла, ибо дышать через пропитанные своей и чужой заразой повязки, стоя нос к носу и будучи стиснутым со всех сторон, нелегко, вредно и... глупо. Зато следующий поезд метро подошёл через 40 секунд после того, на который не побежавши, опоздал. Веришь ты, а может не веришь, но хватануть заразу на самом деле несложно. У каждого из нас есть знакомые заразившиеся. Одни уже переболели, другие ещё борются... Вся страна, да что страна, весь мир надел маски

Не далее, как сутки назад, когда некая мысль, зароненная в его голову, проросла желанием изменить ход событий и саму ситуацию, Калашников пошел «в народ». Зацепив за уши нелепую марлевую, явно неспособную защитить от вируса, но отбивающую охоту шастать по общественным местам тем, что безбожно натирала уши, маску, он заходил в магазины, катался в трамваях, втиснулся в набитую до отказа маршрутку и слушал, рассуждал, анализировал...

Пообщался с парой пожилых женщин, нарвался на грубость от высокого губастого мужика с женским лицом и препротивным голосом, после чего посчастливилось послушать усталую потухшую женщину-медика. Её история оказалась сродни фильму о зомби-апокалипсисе и совершенно была противоположна большинству суждений, что удавалось Аудитору услышать раньше. Но большинство встреченных, вторя заявлениям тысяч граждан в сетях, на радио и с экранов сходились на том, что год, мало того, что прошел впустую, но и отбросил общество и каждого его члена в отдельности назад. А иные к тому же переболели сами, а то и потеряли кого из близких. И желание Калашникова действовать росло, крепло и выливалось в понятный, пожалуй, только ему, стройный план.

Степан вздохнул, попытался было оживить малость подпропавшее желание прогуляться по холодку, что оказалось нереально, развернулся и поскрипывая подмёрзшим снежком двинулся назад к подъезду. Аудитору срочно захотелось поправить настроение, да и всё, пожалуй, положение дел, причём полностью, а не в отдельно взятой стране... Шаги его делались твёрже, походка уверенней, улыбка на тонких губах мечтательней. Ворона поёрзала на своей ветке, проводила человека до двери, так ни разу и не мигнув, и втянула голову в тушку, закрыв наконец глаза.

Отперев иззубренным тёмным ключом толстую деревянную дверь, молодой человек ввалился в длинный тёмный коридор и пошаркал ногами о ворсистый коврик. После стащил с рыжей головы чёрную машинной вязки шапочку, повесил на крючок серенькую кургузую курточку и шагнул, повернув старинную латунную ручку, в комнату по правую руку, где уютное массивное кресло бесстыдно маняще приглашало усесться перед тяжёлым двухтумбовым столом, крытым зелёным бархатом с аккуратными двумя-тремя стопками бумаг. Не парясь по поводу явной музейности помещения, вошедший опустился в мягость кресла, не глядя вытащил из ящика стола книгу в зеленоватом бархате и зашелестел страницами. Некоторое, впрочем, довольно длительное время, нездешняя густая тишина разбавлялась только шуршанием переворачиваемых страниц, маятниковым пощёлкиванием, да каждые полчаса боем напольных часов. Время неторопливо шло своим, неведь кем, когда и для чего заведенным порядком: -Тик-так, тик-так... Бом-м...

Серегина голова отказывалась воспринимать происходящее адекватно. Она шла кругом, заставляла владельца при ходьбе хвататься ослабевшими руками за все, что оказывалось в пределах их досягаемости. Серегу шатало и только руки были зыбкой гарантией того, что не случится столкновения с чем-то, что может оказаться достаточно опасным и причинить травму, либо привести к падению. Лежать парню было тошно и страшно, пожаловаться доктору на состояние представлялось нереальным из-за непрекращающегося болезненного кашля, который начинался спустя секунд десять после начала разговора. Невзирая на лекарства, принимаемые больным, ни боль в груди, ни выматывающий кашель не прекращались, а температура, та и вовсе повышалась третьи сутки. Серега не был в палате самым трудным и внимания на него обращалось не больше, чем на прочих пациентов. А становилось ему все хуже и хуже. Сознание было затуманенным, ни одна мысль не оказывалась законченной, самочувствие и поведение – как у сильно нетрезвого человека. Парень слабел и угасал. Верно, тихо и равнодушно.

Спросите меня, дорогие мои друзья, чем мне больше всего запомнится прошедший год и ответить смогу, не задумываясь только лишь об ограничениях, связанных со всеми известными событиями. Вспомню о несбывшихся планах, непосещённых местах и несостоявшихся встречах, посетую на неудобство дистанционного обучения школьников и связанных с этим комических ситуациях, в кои пришлось попасть непривычным к видеоурокам родителям. Ещё, само собой, пожалуюсь на то, что год этот прошёл совершенно бесполезно для меня. То же, либо примерно похожее скажет едва не каждый из моих соотечественников, добавив, быть может, о болезни своей, или родственников. И всё, ибо повлиять на ситуацию мы можем лишь гипотетически, теоретически... что означает-почти никак. И совершенно не был в этом уверен

читающий старинный фолиант в продавленном кресле хозяин квартиры Степан Парамоныч Калашников, если не сказать, что уверен он совершенно в обратном, и небезосновательно...

А вот, зуб даю, други мои, что иного из вас имя Аудитора подвигло на то, чтобы провести параллели, вспомнить вдруг и неосознанно нечто из давно забытого, но для каких-то нужд и необходимостей пронафталиненного и запрятанного в самые дальние закутки мозга. Степан Парамонович, Степан Калашников... Да это же, позвольте, каждому школьнику понятно – герой Лермонтовского сказа о купце, что бился насмерть с царским опричником, возжелав вдруг поменять порядок того жестокого и несправедливого к простому человеку мира. Решивший нарушить и погибший по слову грозного царя. А погибший ли, или изменивший всё же? Впрочем, в любом случае, было это сотни лет назад и автор, то есть – я, просто не парясь, наобум спер у Михаила Юрьевича выдуманный им несуществующий никогда персонаж. И, таки, не буду оправдываться, потеть и лепетать в свое оправдание, как и пытаться обвинить Лермонтова в отсутствии выдумки... Всему своё время.

За окном утро сменил день, прошествовал без особых происшествий мимо и удалился, оставив после себя серо-голубые, подсвеченные местами желтым фонарным светом сумерки. Кажется, сама собой зажглась лампа и очертила круг на столе. По-прежнему мотался туда-сюда подневольный маятник, пробивали свой черед часы, шелестели переворачиваемые пожелтевшие страницы, да поскрипывало кресло. Молодой человек с невероятной для его возраста усидчивостью все листал, читал, изредка поднимая голову и что-то про себя беззвучно проговаривая. И снова шелест. Скрип. Бой...

И торчат маски из карманов, забивают едва не под верх мусорки, рвутся во множестве на входах в крупные торговые центры, мечутся, гонимые ветром, по городу. Масочный, мать его, режим, это вам даже не комендантский час. А по городам и весям денно и ночью люди всех возрастов, религий и национальностей шьют, клеят, да упаковывают нам на здоровье новые и новые миллионы малополезных, одинаковых масок. Впрочем, можете отличиться от толпы за свои деньги... За деньги, на моё провинциальное разумение, приличные. Кабы – Сим-Селявим-сделаться мне президентом объединённого мирового правительства, я бы и на государственном флаге изобразил одну громадную маску... Но... рожей, понимаю, не вышел и маска душит и рвёт мои уши самая обычная бесплатная, из ближайшей «Ленты».

Когда на улице стемнело и звуки внутри комнаты начали казаться неестественно громкими в ночной тиши, Аудитор отложил книгу, набросал пером несколько строк на листе из высокой пачки и поднялся из кресла, встав во весь рост и потянувшись руками вверх-в стороны, щелкнув при этом позвонками. – Их вайс ниht, вас золь ес бедойтен, дас их зо траурих бин, – промурлыкал он негромко, раскрыл, легко подойдя, створки антресоли и не глядя, наугад протянул снизу руки в ее темное нутро. Некая штука, напоминающая небольшую печатную машинку, вытащена была на белый, в нашем случае – желтоватый, свет, не торопясь протерта сухой тряпочкой и водружена на старое сукно стола.

Есть не хотелось и тошнота была постоянной спутницей болезни. Эмоции, хоть какие-то вызывали исключительно уколы. Болючие, разрывающие, кажется, мышцу изнутри. И хотя колоть старались каждый раз в другое полулопю. ... другую ягодицу, болели обе. Без труда подчинился требованию лежать на животе, спорить просто не хотелось, хитрить и делать по-своему – не оставалось ни сил, ни желаний.

Крошечный телевизор на стене палаты давал отвлечься, забыть и болезнь, и время, а то и позволял провалиться ненадолго в безболезненный сон. Соседи-однопалатники не донимали. Цепляться, просить о чем-то и даже просто общаться ослабевшим было трудно, неинтересно, да и грозило обернуться долгим кашлем, от которого порой даже появлялись кровавые сгустки в горле. Сколько кто времени пролежал, могли определить только если знали сегодняшней день, что бывало редко. Так и жили пока, пассивно и тихо, не догадываясь порой даже о собственном самочувствии до момента, когда приходилось вставать, или делать что-то.

Мало ли бывало случаев в нашей истории, когда шло себе всё, шло, по накатанному, а после- Р-раз, и без видимых поводов, причин и предпосылок менялось ни с того, ни с сего? -Было! – скажет почти каждый. А почему, с какой такой радости, над тем редко кто задумается. Да и озаботясь сим вопросом, тоже чаще скажешь: – Ну так уж оно вышло. А не то: – Божиим промыслом ... – либо: – Некие силы вмешались... Современники тех событий обычно объяснений не давали, либо писали каждый на свой лад разумея и прочих толкователей обвиняя во вранье, корысти, прочих грехах, ереси и преступлениях, чем окончательно сбивали с панталыка пытавшихся разобраться и живущих в одно с ними время, равно как и потомков, близких и далеких. Ни в целом, ни в частности ситуация подобная этой разрешению загадок и парадоксов истории не способствовала. Остается только думать, существовали ли во времена оны такие вмешивавшиеся периодические силы...

На кровати со сбившейся простыней нерасчёсанный человек с опухшим лицом и тёмными кругами под глазами свёл лопатки, подтянув их ближе к ягодицам и, прогнув спину, опустил локти, приблизив сжатые кисти к груди. Серега имитировал жим штанги лежа. Недели полторы назад текущая форма парня, не только далёкая от идеальной, а вообще находящаяся ближе к середине плана подготовки позволяла жать снаряд на уровне норматива мастера спорта весовой категории, от которой полтора кило было до Серёгина обычного, несброшенного заранее веса. Сколько он потерял за время лежания, что длится, кажется, уже бесконечность? А жим получился легким и невесомым. Сухие губы искривила улыбка, но выброшенные вверх будто в жиме руки тяжело упали на кровать.

Во вполне современном многоквартирном жилом доме, в квартире, которая лет полтора тому показалась бы самой, что ни на есть обычной для того времени, опять же современно одетый, пусть и не вполне модно, молодой человек, усевшись снова в любимое скрипучее кресло коричневатой потертой кожи, и надев на рыжую голову громоздкое приспособление, напоминающее шлем космонавта, глубоководного водолаза, или, хотя бы мотогогонщика, опустил непрозрачное забрало, повернул вправо-влево голову, будто что-то оглядывая и вновь сдвинул его вверх. Лампа, очевидно за ненадобностью, была погашена и сквозь неплотно задержанные портьеры с ночной улицы в комнату теперь попадал свет фонарей. На этом светлом фоне зарослями кустарников без листьев чернели антенны, провода и некие лианоподобные спирали, совершенно в полумраке похожие на обустроенный на подоконнике зимний сад.

Не сказать, чтобы ночью в ковидном отделении больницы становилось намного тише. Эта ночь не стала исключением. Часа за два до полуночи, то есть задолго до прихода Куклиной, соседи-однопалатники нажав «тревожную» кнопку вызвали дежурную сестру к Серёгиной кровати. Тот раз за разом делал вдох и не мог нормально вдохнуть. Не хватало воздуха. Лицо его еще больше стало опухшим, глаза казались сопалатникам впавшими, нос заострившимся и блестящим. Ничего объяснить парень не мог, на все вопросы отвечать перестал сразу, как впервые закашлялся, и кашлять переставал только чтобы снова попытаться вдохнуть... Переваленный на каталку и сопровождаемый с одной стороны нетерпеливым матерком, с другой всхлипами и просьбой держаться и потерпеть, Серега, влекомый двигателем в одну санитарью силу умчался по коридору... Соседи снова укладывались молча. Реанимация не была местом, откуда все стопроцентно возвращались. -Пульса нет! – только и долетело из дальнего конца коридора до затихающей палаты...

Из тумбы стола хозяин выудил, опять-таки, не глядя, видимо порядок у него повсюду был наведён образцовый и никем не нарушаемый, заварочный чайничек цилиндрической формы серебристого металла. Оттуда же появилась деревянная резная коробочка, немедленно молодым человеком раскрытая. Щепоть высушенных измельченных листьев оглядывается на предмет количества и высыпается в заварочник, после чего коробочка снова исчезает в столе. Аудитор встал и удалился на кухню, откуда спустя несколько секунд послышался чиркающий звук зажигаемой спички. Через некоторое время раздалось и клокотание, говорящее, что закипела

вода, затем- звук наливаемого кипятку. И неся впереди себя парящий чайничек рыжий молодой человек вошел в комнату, удобно вновь устроившись во вмятине кресла.

Люди всё знают о чае, способах его заваривания и традициях чаепития. Не стоит проверять, соблюдают ли сами любители этого напитка эти правила, да это и не важно, ведь что время, что место, да и компания порой не способствуют расслаблению и получению удовольствия. Но и при всем этом, зная заранее, что предстоит пить «на ходу», мы стараемся точно отсыпать меру заварки, выдержать необходимое время налить нужное, «правильное» количество чаю, привычно дуть на поверхность, втягивать жидкость с хлюпающим звуком, чтобы пар с ароматом вслед за напитком попадал на небо, помогая нам ощутить вкус... Да и чаёк-то последние лет пятнадцать уже не тот... Но... все же часто хочется воскликнуть: – А любители вы чай так, как люблю его я?

Аудитор видимо был неприветлив. Стекло стакан, поблескивавший в уличном свете рядом с графином на столе совершенно его устроил. Парящая струя из тонкого носика быстро наполнила стакан на три четверти, толстая серебряная ложечка зазвенела о стенки, размешивая и остужая красно-коричневую жидкость. С удовольствием отметил, что перед началом чаепития рыжий прикрыв глаза вдохнул чайного аромата и остался, скорее всего, доволен. Причмокивая и побрякивая, то отставляя стакан, то опять помешивая ложкой, не торопясь «кушал» Степан Калашников чаек. Важно и со вкусом. Допив, отставил стакан, неожиданно перекрестился, утерев губы салфеткой и взял в руки космошлем.

Минутой позже вся пространство комнаты завибрировало, воздух уплотнился, застучал, словно комната превратилась в гигантский стетоскоп, приложенный к самому сердцу огромного мира. Проводки и антенны подрагивали и иногда вспыхивали голубоватыми искрами, лопающимися с сухим треском и наполняющими воздух озоном. Фонари за окном тоже вели себя странно, то загораясь ярче, то почти вовсе затухая. По небу с невероятной скоростью сразу во всех направлениях на различной высоте носились рваные тучи... Голова человека в шлеме подрагивала будто того лихорадило, а маятник, до того мерно раскачивающийся, наоборот застыл и стал недвижим. Несколько раз, видимая в недозадёрнутом окне луна промчалась мимо, каждый раз в разной фазе... Творилась вокруг всякая чертовщина...

Не только приблизившийся уже на расстояние суток Новый год, а и все прошедшие даты, праздники и события обошли в этом году доктора Куклину стороной и виной тому не личная нелюбовь к увеселениям и компаниям. Пандемия застала её в кресле заведующей отделением одной крупной городской больницы. Поработав некоторое время в новых условиях приняла она нелегкое решение и ковидная реанимация приняла с распростертыми объятиями опыт, руки и силы новой сотрудницы. И календарь перестал что-либо значить в новой её жизни. Только график работы регламентировал отныне и труд, и краткий отдых. Вот и 31 декабря мчалась она по пустым ночным улицам, чтобы в 2.00 заступить на вахту и застать всех без исключения больных на этом свете.

Бледный голубовато-серый проём окна проявился как-то вдруг, будто и не было его, но ворвался прибывшим скорым поездом и встал перед глазами грубо, зримо, настояще. И почти сразу начало светать. Посветлело за окном, стены комнаты явили рисунок на обоях, и с неподвижной фигуры в странном сооружении на голове медленно, но верно стекал вниз ночной мрак. Фигура подняла руки, стащила громоздкий шар и оказалась средних лет мужчиной со взъерошенной черной с обильной проседью шевелюрой, покоившимся в большущем старинном кресле. Нелегко, ели не сказать «невозможно» было опознать в нем еще недавно другого Аудитора, но это был именно он- Степан Парамонович Калашников собственной персоной.

Аудитор сладко потянулся, позвонки снова хрустнули в районе лопаток, но уже громче, нежели прошлым вечером, поднялся, щелкнув коленом, и понес замолкшую «печатную машинку» к открытому зёву антресоли. Но в этот раз для уборки наверх прибора мужчине

почему-то потребовалась табуретка. Затворив дверки Калашников подошел к окну и раздвинул шторы...

Еще вчера под окнами дома Аудитора был просторный двор с площадкой, где установлена к празднованию Новогодия казенно украшенная ёлка, от которой нынче не было и следа. Не наблюдалось и большей части двора, взамен которого сверкала стеклянная крыша одноэтажного сооружения, разноцветно подсвеченного изнутри. Ночевавшие у бордюров и на тротуарах автомобили непривычно бросались в глаза несвойственной им обычно чистотой. Притоптанного снега тоже уже не наблюдалось нигде. На усыпанную бумагой, пластиковыми стаканчиками и останками пиротехники серую поверхность тихо опускались, вальсируя в тишине крупные белые хлопья, преображая двор на глазах.

Уже описанный прежде человек - Аудитор Степан Калашников, являл собой, как мы помним, чуть выше среднего роста молодого рыжеволосого человека. Теперь же перед окном стоял, рассеянно глядя вниз, мужчина к пятидесяти, темный, с сединой и проявившейся проплешиной на макушке. Стоял несколько ссутулив вперед плечи и слегка наклонившись, как сделал бы человек со слегка нездоровой спиной. Комната же, где он и пережил превращения двора и собственной персоны, осталась неизменённой. Хочется добавить, «от слова «совсем». У стены тикали, размахивая маятником, как счастливый пёс хвостом, часы, прикрывался от уличного света стопками бумаг старинный стол зеленого сукна, широкое кресло дремало, освободившись от досаждавшего ему так долго седалища. Будто комната эта - ось, вокруг которой мчатся вприпрыжку и кувырком глобального масштаба изменения и катаклизмы, чем дальше, тем быстрее и ошеломительней, стихая по мере приближению к центру вращения.

В дверь постучали. Отрывисто и требовательно. Степан Парамоныч подошел, открыл и протянул руку навстречу гостю. На пороге стоял вихрастый пацан. Лет ему можно дать на вид, семь-восемь. Темные глаза серьёзно глядели на хозяина. -Здрасьте, дядь Стёп, - вложил он ладошку в руку Аудитора, который с готовностью её пожал. -С новым годом Вас! А какой это будет год? - И протянул подарок - на фоне карусели из звёзд на альбомном листе невысокий человечек в белом, округлом шлеме. Аудитор невольно вздрогнул. Мальчик прошел по коридору, занял предложенное место за столом и поискал глазами ёлку. Ёлки не было, что показалось ему немного грустным. Степан хмыкнул, пошарил в кухонном шкафчике и извлёк блестящий картонный домик-коробку с подарком. Гость успокоился и ожидая чаю принялся мучить хозяина вопросами, порой неожиданно недетскими.

Дед Егорки - соседа Степана Парамоновича, из-за проблем с ногами много лет передвигался с трудом. И сейчас, отметив, что времени на разговоры сорванцу-почемучке должно было хватить с лихвой, дабы не совсем добить соседа болтовнёй, позвонил в квартиру напротив по телефону. - С наступившим! Степан, там наш бесёнок тебя, поди, уж замучил, пусть домой собирается. -Егорка, едва услышав звонок вскочил, чинно поклонился хозяину и пошлёпал к двери. Проводив, Калашников вдруг понял, что устал и нуждается в отдыхе и прогулке.

Бело-голубой мир медленно, плавно, красиво стелил под ноги белоснежный ковер. Двор практически пуст, только любопытная птица, поблескивая черными бусинками, нагло пялилась на сутуловатую фигуру, уверенная в собственной недосыгаемости на высокой ветке. Фигура глянула на ворону, показала ей язык и обвела взглядом двор. 1 января 21 года. Свежим снежком укрывало неубранные пока приметы празднования местными жителями Нового Года. Обилие мусора навевало мысли о спешном оставлении населением загаженного и отравленного города. Калашников мрачно плюнул под ноги, подавил в себе желание вернуться в дом и меланхолично направился по скрипучему нетоптанному пушистому тротуару в опустевший город.

Одноэтажное сооружение оказалось торговыми рядами, невесть как сумевшими прорасти на части двора жилого дома. Ёлка, у которой микрорайонские праздновали, стояла теперь на пятачке перед входом в это царство изобилия «за ваши деньги». Невзирая на ранний

для первого января час, когда гуляющие всю ночь успели разойтись, а уже выпавшиеся новогодние «жаворонки» не ощущали жгучего желани и настроения выходить в печальный пост-праздничный город, иллюминация повсюду горела, переливалась и подмигивала. Казалось-персонально Степану Парамоновичу. Тот опустил голову, сцепил руки за спиной и будто заду-мавшись о чем-то непростом, пошагал дальше.

С трудом держащийся на ногах доктор беспрестанно тряс головой и растирал уши, успешно пытаясь не заснуть. О том, сколько часов на ногах, он старался не думать, деваться всё одно некуда. Ехавшая ему на смену к двум ночи Куклина до больницы так и не добралась, выброшенная со скользкой дороги двумя летящими, бешено вращающимися автомобилями. Неадекватные от выпитого водители, один из которых набрался под завязку в гостях, второй-кочуя из бара в следующий, везде принимая за «Новое счастье» «обрели друг друга» и подобно страшному кегельбану вышибали до полной своей остановки имевших несчастье оказаться в месте их «встречи». По счастливой ли случайности, или боженька успел, таки, вмешаться в последний момент, но не оказалось не только погибших, а и серьезно пострадавших. Куклина же была заклинена в машине и отказавшись от освобождения в пользу более серьезных случаев, несколько часов провела в придорожном сугробе. И только после вскрытия авто поняла, что передвигаться самостоятельно получается с большим трудом...

Доктор сначала вдохнул кислороду сам, после чего прижал маску к лицу молодого парня... и начал падать, будто желая присесть... Пожилая невысокая сестра успела подхватить его за подмышки, но удержать центнер с гаком сил не хватило, и они вместе повалились па пол. Что-то зазвенело, разбиваясь, рядом.

Время шло, понемногу улицы прорастали деловито шагающими по неотложным праздничным делам нетрезвыми взрослыми и шумной, носящейся туда-сюда, и то и дело шарахающей петардами, фейерверками и обычными хлопушками, детворой. Взрослые зашвыривали подальше в сугроб опустошенные на ходу бутылки и баночки, щелчком пальца отправляли мимо урн окурки, обрывки вскрытых сигаретных пачек. Разнокалиберные дети оставляли после своих огненных забав раскуроченные трубки, коробочки, палочки, воткнутые в снег... В ушах Аудитора давно звенело от грохота, ближнего, дальнего, повсеместного... Он остано-вился, снова огляделся, зажмурился и помотал головой. Постоял немного и круто развернув-шись отправился назад. Настроения гулять по городу паче чаяния так и не появилось, и захоте-лось привычно укрыться дома от всего разом. В обратном направлении шагало Калашникову легче и быстрее.

Иззубренный ключ, заранее на ощупь найденный и за кольцо надетый на палец привычно вошел в замок. Тяжелая дверь легко открылась, впусив хозяина во всегда полутемный кори-дор, и лязгнув защелкой замка захлопнулась у него за спиной. Сверху по лестнице, шаркая подошвами и покашливая, спускалась тройца традиционно нетрезвых типов из числа людей, кои не угодили всему дому и которым никто из жильцов не указ.

Часы до проводов старого и встречи нового года. Время незадолго до закрытия торговых центров- самое время «Ху» для некоторых категорий граждан. Не исключительно тех, кто, заработавшись не сумел выбрать подарки, не только людей, кто по пути домой решил пройти по ближнему ТэЦэ на всякий случай. Немало типов, чьё нахождение здесь целей никаких, казалось бы, не преследует, но... Группка развязной молодежи, то скачущей друг от друга, задевая прохожих, то встающих толпой посреди прохода на пути посетителей на замечания в свой адрес реагировали мало. А если и соизволяли отозваться, только грубо и с угрозами. Выказавший претензию если и был удовлетворён, единственно перед своей совестью, и то не до конца по причине нежелания накануне праздника портить внешний вид и настроение. А стадо продолжало развлекаться порой на глазах полиции. Ведь трогать-то они никого не трогают, да и сами первыми придираются не спешат.

Быстрый и ловко лавирующий в потоке спешащих парень со спортивной сумкой направлялся в сторону одного из выходов, когда едва не под ноги ему приземлилась модная вязаная шапочка. Пытаясь не наступить, он шагнул в сторону и ошутимо жестко задел плечом метнувшегося за своим добром, не желающего никого замечать и осознавать, что он не один, молодого человека. Тот растянулся на полу.

–Обезьяна, – завершал он снизу: – Борзый, . ля? -Парень приостановился ответить: – Клоун, ты не сам ли кинулся, как на буфет?

А дружки поднимающегося уже обступали Серёгу и несколько рук крепко прихватило куртку. Может и имелась возможность кончить дело миром, но одна сторона не любила оказываться без вины виноватой по жизни, другая же и вовсе в усиленном составе не боялась ни бога, ни черта. И карусель закрутилась...

Никогда не верьте тому, кто будет вас предостерегать от стычки с неорганизованным, но находящимся в численном большинстве противником. Один боец, находящийся перед несколькими оппонентами имеет то преимущество, и опытный человек пользуется этим, что может атаковать любого из них. Трое-четверо, находящиеся на одной линии и не окружившие одиночку, все вместе пытаются нанести удар только мешают друг другу, создавая тесноту и лишая товарищей самой возможности замахнуть и ударить. А Серега привычно занял положение спиной к витрине... Но наказать наглеца, огрызнувшегося на стаю, молодым людям под занавес года хотелось.

А уж насчет того, что «хотелось» и «моглось»– не Ленин и Партия, то есть не близнецы братья, ребятам доходчиво не объяснял доселе никто. Уже всего минутой позже из тех троих, что не отскочили, угрожая и скороговоря, а переоценив свои силы решили все же наказать Серёгу, один лежал животом на грязном кафеле, обхватив Серегину ногу и не делая даже попыток повалить его, а двое были на ногах. Первый удерживался за ворот на расстоянии согнутой руки, изредка пробуя отдалиться, второй, удачно отхвативши в скулу слева, наклонился и прикрыл лицо выставленными предплечьями. Жирную победную точку в поединке поставил свисток. Свистел, как вы поняли, не спортивный арбитр, а некоторое время наблюдавший полицейский. Он взял обоих бойцов за отвороты курток и повел за собой. Его напарник, склонив голову к микрофону рации, закреплённому на груди, комментировал события. «Стая потянулась вслед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.